

Пташинскене А.Г.

Забрали нас 14 июня 1941 года. Мы не знали, что случилось. Приехали утром два еврея, видно, комсомольцы и четыре русских солдата забрали нашу семью, сказали: – «Увезем вас и вы никогда не вернетесь домой». Мы не могли понять, как это так, и даже вещи не брали, но тогда солдаты взяли с койки матрас, вытряхнули солому и стали собирать то, что было в комнате. Так что одежду мы взяли, но продукты – всего лишь булку хлеба да килограмм масла.

Нас было пятеро: мой муж, Адольф Леопольдович Пташинскас, 1889 года рождения, я, Апполония Пташинскене, 1915 года, два наших сына-близнеца, Вилюс-Атанас и Ромуальдас, 1938 года, и отец мужа, Леопольдас, 1863 года рождения.

Увезли нас на железнодорожный вокзал. В вагоне, в который нас втолкнули, уже был директор гимназии Ваиткевичюс с женой и сыном-подростком, Мисевичюс с женой из города Линкува. Затем подвезли Петраса Кичаса с женой и двумя сыновьями Витаутасом и Сигитасом, начальника милиции Веркелиса с женой и трехлетним сыном, учителя Силицкаса с женой и трехлетней дочкой, Малинаукаса с женой и восьмилетней дочкой, они вели свое хозяйство, Янулайтене с мальчиком и девочкой шести-восьми лет. Всего нас было восемь семей.

Нас держали на станции Линкува, потом увезли на станцию Пепрашунай, там поезд простоял ночь. Утром пришел другой эшелон из Биржай. Наши эшелоны соединили, прицепили спереди два локомотива и довели нас до города Шауляй, где проходила широколинейная железная дорога. Здесь нас пересадили на другой поезд и увезли в Вильнюс, там мы переночевали, затем мужчин вызвали и посадили отдельно от семей. Но моего мужа не вызвали и он ехал с нами.

Когда нас довели до Орши, мы поняли, что началась война, но нам никто об этом не сказал. Повезли нас вокруг Москвы через Ярославль в Сибирь. Когда нас привезли в Новосибирск, мы увидели наших мужчин, их эшелон прошел мимо. Мы их видели в последний раз, никто из них не вернулся и не написал. Так что, вечная им память!

А нас в Новосибирске посадили на баржи и по Оби доставили в Колпашево. По дороге нам давали хлеб, один кирпичик на пять человек. Кое-когда на больших вокзалах давали суп, но в нем плавал один батун. Мы с неделю прожили на барже в Колпашево. На барже я встретила много знакомых и даже родственников. Но мне подошло время рожать и меня увели в родильный дом на берегу Оби. Родился у меня мальчик весом в пять килограмм. Роды были благополучны, и утром я стала ждать мужа, а он не шел. Я плачу и думаю, что они уплыли и я одна осталась и не знаю по-русски ни слова. Но на заходе солнца пришел муж и сказал, что баржа уплыла, но нашу семью оставили.

Мы прожили в Колпашево дней десять и как-то под вечер пришла подвода и нам велели ехать, увезли нас на речку Чая. Там стояла баржа с катером. Нам велели идти на баржу. Мы спустились по лестнице в трюм, а там полно евреев, по-русски говорить они не умеют. На другой день нашелся один мужчина, который говорил по-русски. Он сказал, что они - евреи из Германии, убежали от Гитлера в Румынию. Когда Румынию занял Гитлер, они убежали в Молдавию, а русские их сослали в Сибирь. Их так же, как и нас, разделили по колхозам. Пристань, на которой нас высадили, называлась «Усть-Галка», она была последней, дальше катера не ходили. Мы попали в колхоз «Северное сияние» Бакчарского района.

Мы попали в колхоз, а вам известно, какая там была жизнь. Председатель П.Ф. Иволгин, сам тоже из ссыльных, это был царь и бог наших жизней, издевался над нами, как хотел. Там мы прожили страшные и голодные годы войны. Хотя все были ссыльные, но в 1942 году мужчинам выдали паспорта и всех мобилизовали на фронт, остались старики и малолетние. Женщины работали в колхозе и председатель издевался над женщинами, как хотел. В колхозе мы ничего не получали, вечно оставались должными

колхозу за заем, так как каждого работающего заставляли подписываться на пятьсот рублей.

Из нашего вагона знакомые люди попали в Прабигский район, некоторые - в поселок Вавиловка Бакчарского района. В Чернышовке, где мы жили, литовцев больше не было, были эстонцы и молдаване, мы все не умели говорить по-русски, и нам было очень трудно. Я болела и лежала в больнице в 1943 года, потом заболел мой муж, его тоже положили в больницу. Он не хотел есть, а санитарка хотела его насильно накормить и влила ему в рот ложку супа и попала в легкие, он тут же умер.

От колхоза приехали два мужчины, положили его в гроб, увезли и, где похоронили, мне никто не сказал. Когда я приехала из больницы, эти мужчины, которые мужа увезли, были мобилизованы в армию и не вернулись. Так я и не знаю, где похоронен мой муж. Отец мужа умер в 1942 году, тогда же умер мальчик.

Я осталась с двумя детьми и только в 1957 году получила разрешение уехать в Литву. Ребятам уже исполнилось 18 лет, но они не считались ссыльными, так как были 1938 года рождения. Все дети этого года рождения не были ссыльными. Но председатель колхоза не давал возможности получить паспорт и только после того, как я в 1955 году получила медаль участника Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, нас отпустили из колхоза.

Сейчас я живу в кооперативной квартире. Сын Вилюс окончил вечерний техникум, потом вечерний институт, защитил диссертацию, работает в городе Шауляй. Второй сын Ромуальдас окончил в Вильнюсе техникум медицинской электроаппаратуры, работает по специальности в городе Шауляй.

Наша литовская власть нам, ссыльным, уделяет сейчас много внимания. Мне прибавили пенсию, я получаю 140 рублей. Заплатили за наше хозяйство 7500 рублей. Хотя это, конечно, очень мало, но все-таки нас, ссыльных, очень много. Нам дают возможность привести с Севера самолетом умерших и очень жаль, что я не знаю, где мой муж похоронен; я тоже хотела бы привезти домой его кости.